

УДК 94(430)
DOI 10.52452/19931778_2024_2_70

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДИНАМИКА ОРГШТАТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА НИЖЕГОРОДСКОГО РЕЗЕРВНОГО ОПОЛЧЕНИЯ В 1812–1813 гг.

Статья вторая

© 2024 г.

Д.А. Николаев

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

dmnikolaeff@mail.ru

Поступила в редакцию 29.12.2023

Рассматриваются вопросы формирования офицерского корпуса нижегородского резервного ополчения 1812 г. На основе источников из фондов Центрального архива Нижегородской области охарактеризован процесс материального обеспечения офицерского состава резервного ополчения. Рассмотрены вопросы соблюдения воинской дисциплины, а также характер и особенности правонарушений в офицерской ополченской среде.

Ключевые слова: Нижегородская губерния, резервное ополчение 1812 г., нижегородское резервное ополчение 1812–1813 гг., наполеоновские войны, офицерский состав, военные и гражданские чины, материальное обеспечение, воинская дисциплина.

Введение

В первой статье (опубл. в № 1 за 2024 г.) автор рассмотрел историографию вопроса о создании и бытовании резервного ополчения 1812 г. как в общероссийском масштабе, так и в Нижегородском регионе в указанный исторический период. Кроме того, были охарактеризованы основные принципы организации нижегородского основного и резервного ополчений 1812 г. Основное внимание в содержательной части первой статьи было также уделено проблеме формирования кадровой основы офицерского корпуса резервного ополчения, которая создавалась из «чиновников» «заресформных команд» – офицеров расформированных ранее, в плановом порядке, некоторых подразделений основного ополчения, оставшихся в губернии после выступления этого ополчения в боевой поход. Помимо этого, к офицерским кадрам резервного ополчения были приписаны офицеры, причисленные ранее к основному ополчению, но, ввиду различных причин (в основном по болезни), не отправившиеся с ним в поход. Особое внимание в первой статье исследования было обращено на процесс кадрового назначения на должность командира (начальника) резервного ополчения и рассмотрение особенностей военного и гражданского администрирования в общей динамике как внутрисословного консенсуса, так и внутрисословных (межличностных) противоречий. Следует отметить, что

с назначением на должность командира резервного ополчения П.Б. Григорьева проводилась уже более упорядоченная работа по укомплектованию командного состава ополчения, которую все же, ввиду объективных причин, выполнить в полной мере не удалось.

Проблемы материального обеспечения личного состава офицерского корпуса резервного ополчения

Для наиболее точного учета возможных материально-финансовых потребностей офицерского корпуса резервного ополчения требовалось еще и еще раз определять, какое количество людей, с учетом динамики изменений в личном составе, осталось «на местах», либо было призвано в ополчение дополнительно, либо выступило в поход с первым ополчением. Эта необходимость вызвала к жизни в феврале 1813 г. очередное послание Булыгина Грузинскому, которое было, «по традиции», не самого дружественного свойства: упомянув вновь об отсутствии сведений от последнего «о числе воинских чинов разного звания, выступивших в поход вверенного Вам ополчения ... необходимо предоставление ... общего счета (так. – *Авт.*) о всех людях в первое ополчение ... поступивших, предлагаю Вашему Сиятельству доставить ко мне таковой счет немедленно ... с ... подробностью» [1, л. 63]; в противном же случае всякий «Ваш противу сего отзыв будет принят в

роде слушания команды и представлен на уважение Его Императорскому Величеству» [1, л. 63]. Предоставления аналогичных сведений и «содействия» Булыгину потребовал от Грузинского и вице-губернатор Крюков¹.

Одновременно и параллельно с процессом формирования офицерского корпуса возникали и решались, с разной степенью эффективности, многочисленные вопросы, связанные с материальным обеспечением командирского состава. Следует отметить, что в целом финансовое обеспечение личного состава губернских резервных ополчений страны (как рядового, так и офицерского) было точно таким же, как и ополчений основных, и базировалось на «паритетных» началах обеспечения регулярных егерских полков рекрутского призыва соответственно должностной «сетке». Одними из первых в феврале 1813 г. получили материальные пособия на обмундирование добровольцы, которые «объявили желание служить в ополчении: канцеляристы Андрей Кандыбов, Александр Карташев, Петр Березин, из дворян Василий Дертев, подканцелярист Нестер Смирнов и недоросль Тихон Хрычев ... прошу на обмундирование их отпустить (из комитета пожертвований. – *Авт.*) мне (Григорьеву. – *Авт.*) принадлежащее количество денег...» [2, л. 1]. Соответственно правилам (которые были установлены самими членами комитета пожертвований с учетом мнения и финансовых возможностей губернского дворянского сословия, которое несло на себе основную часть расходов по финансированию ополчения), реализованным на практике при формировании первого ополчения, было решено «...отпускать на обмундирование из (лиц. – *Авт.*) разночинцев, вступивших в ополчение подпрапорщиков и урядников для одного по 61 руб. 52 коп., да на заведение артелей по 15 руб. ... по 76 руб. 52 коп. ...» [2, л. 2]. В феврале же Григорьев уведомил комитет пожертвований о необходимости отпустить деньги на обмундирование и на «артель» одного из таких «разночинцев» – «...пономаря Петра Григорьева» [2, л. 6].

Что же касается жалованья, то самыми первыми его получателями стали офицеры 1-го и 2-го полков, что для многих офицеров ополчения было как раз вовремя: как сообщил Григорьев в комитет пожертвований, «находящий при мне адъютант сотенный начальник Столица донес мне, что он с 1 декабря 1812 года не получал жалованья и со вступления в ополчение на обмундировку ... по малому своему состоянию и содержать себя не в состоянии ...» [2, л. 15]. Соответственно «Ведомости о следующем чиновникам и воинам в выдачу жалованья» [3, л. 3об.–4], в феврале 1813 г. его полу-

чили, по обратному порядку следования чинов, следующие лица: «1-го пехотного полка сотенные начальники: коллежский ассессор и кавалер Буданов» [3, л. 3об.–4]: 90 руб.; Пятидесятные начальники: губернский секретарь Туманов: 60 руб., прапорщик Косткин: 60 руб., коллежский регистратор Олисов: 60 руб.; «На рядовых воинов 90 чел.»: [3, л. 3об.–4] 270 руб. «Итого»: 540 руб. [3, л. 3об.–4]; «2-го пехотного полка: сотенные начальники» [3, л. 3об.–4]: штабс-капитан Бутурлин: 90 руб., поручик Столица: 90 руб., «подпрапорщик»² [3, л. 3об.–4] Кузнецов: 90 руб.; пятидесятные начальники: «подпоручик Дурнов³ 1813 года генваря с 10 дня» [3, л. 3об.–4] : 33 руб. 30 коп., «коллежский регистратор Плешивцов 1813 года генваря с 5 дня» [3, л. 4]: 36 руб. 62 ½ коп.; «Из отставных унтер-офицеров урядник Балес 1813 года Генваря с 16 дня» [3, л. 4]: 1 руб. 92 ½ коп.; «Рядовым воинам 125 человек 1812 года декабря с 1-го дня» [3, л. 4]: 375 руб. «Итого: 716 руб. 85 коп. А всего: 1256 руб. 85 коп.» [3, л. 4]. В ведомости также значилось указание о том, что все офицеры 1-го полка перечислены с пометами «декабря (1812 г. – *Авт.*) с 1-го дня» [3, л. 4], что подразумевало обозначение даты начала службы в ополчении, а значит, и отсчета времени на начисление жалованья. По этому же списку было дано пояснение в другом документе, который удостоверял, из каких именно полков основного ополчения эти лица поступили в ополчение резервное, и подтверждение того факта, что до зачисления в резерв они «исправно» получали жалованье по месту своей прежней службы [3, л. 4].

7 марта 1813 г. комитет пожертвований подтвердил «удовлетворение» требование Григорьева «... об отпуске на обмундирование ... поступившим в ополчение (добровольцам. – *Авт.*) ... Андрею Кандыбову, Александру Карташеву, Петру Березину ... Василью Дертеву ... Нестеру Смирнову и недорослю Тихону Хрычеву» [4, л. 18] необходимых денежных сумм и было еще раз «от комитета определено: хотя нет от Комитета определенного положения на обмундирование и пособие вступившим из разночинцев в службу военного ополчения, но по требованиям и назначениям губернского начальника Нижегородской военной силы прежде сего отпускатся на обмундирование (ополченцам. – *Авт.*) из разночинцев, вступивших в ополчение подпрапорщиков и урядников для одного по 61 руб. 52 коп., да на заведение артелей по 15 руб. ... Определено: отпустить ... по 76 руб. 52 коп., а всем 459 руб. 12 коп.» [4, л. 18]. Такое же решение было принято и по уряднику Балесу, также получившему причитающуюся сумму [4, л. 12]. Григорьеву также было дано разъяс-

нение о возможной адресации обращений в спорных ситуациях причисления «служивого лица» из одного подразделения в другое: «Грузинский на отношение мое (Григорьева. – *Авт.*) о удовлетворении адъютанта моего поручика Дурова жалованьем и другими деньгами ... изъясняет, что поручик Дуров помещен был в третий пехотный полк, потом переведен в конный, а по выступлении в поход первого ополчения причислен к резервному и чтоб жалованье с 1-го декабря по 1 марта истребовать от оного комитета. А посему благоволить ... отпустить мне денег ...» [4, л. 7]. В марте же 1813 г. казанский комитет пожертвований сообщил комитету нижегородскому о том, что казанский комитет «слушал» отношение командира резервного ополчения 3 округа Булыгина, «коим (тот. – *Авт.*) изъясняет, что ... подполковник Болотов объявля (так. – *Авт.*) желание служить в резервном ополчении Нижегородской губернии, просил по недостаточному его состоянию выдать ему на обмундирование и проезд до Нижнего Нова Города (так. – *Авт.*) в счет жалованья, какое по званию его в том ополчении положено ему будет двести пятьдесят рублей, а потому и предлагает сему Комитету ... сказанную сумму денег ему, Болотову, выдать с роспискою (так. – *Авт.*) по установлению из сумм, пожертвованных от разных сословий, а ... Комитету сообщить, дабы он удержал таковую же из жалованья, какое ... Болотову по месту его определено будет...» [5, л. 2] т.е. в данном случае предполагалось, что сумма жалованья за службу в конкретной должности должна являться достаточной, чтобы с нее «истребовать обратно» за обмундирование и проезд. 31 марта поступил запрос на финансирование покупки обмундирования для поступивших в резервное ополчение добровольцев, «бывших в Императорском Московском Университете учеников из обер-офицерских детей ... Иванова и ... Залесского ...» [2, л. 13], а также запрос от полковника Визена о выдаче жалованья следующим лицам из числа подчиненного ему офицерского состава 2-го полка: батальонным начальникам Патрекееву и Блаватскому, сотенному начальнику Львову, пятидесятым: Косткину, Ермолаеву, Сенцову, Климпиеву, Юрлову, Бурдину, Жмурову, Мустафину [2, л. 17–18]. Напомнил о своих нуждах и командир артиллерийских рот, подполковник Зимнинский, потребовавший выдачи жалованья людям из своего подразделения, а именно: коллежскому секретарю Зацепину, а также «из дворян юнкерам, которые имеют по службе употребляться за обер-офицеров ... Зыкову, Швейцеру...и на обмундирование (им же. – *Авт.*)» [2, л. 20–21]. Выданные денежные суммы принимал, первоначально, «от артиллерийских

рот унтер-цейхвартер 13 класса Ларионов» [2, л. 24–24об.], а в его отсутствие, или по его болезни, деньги принимал назначенный для этого юнкер Иван Швейцер [2, л. 24–24об.]. В марте же был осуществлен отпуск средств на обмундирование адъютанту Столице, «по званию сотенного начальника, пятидесятому ... из студентов Московского ун-та 14 класса Сафатову» [6, л. 125]. В марте же 1813 г. Григорьеву была доставлена подробная выписка из ведомости⁴, посвященной обеспечению 1-го ополчения, с которой можно было сверяться по необходимым и схожим вопросам обеспечения ополчения резервного.

Весьма неожиданно, в самый пик выдачи материальных пособий и жалованья различным категориям ополченских военнослужащих, в конце марта 1813 г. Булыгин «отнесся» в комитет пожертвований, что выдача денежных пособий «из пожертвованных сумм на заведение артелей вольно поступившим в нижние чины ... шести человекам, каждому по 15 руб.» [2, л. 25] носит противозаконный характер, поскольку этот процесс не санкционирован никакими «писаными постановлениями», и предложил выданные суммы вернуть обратно в комитет пожертвований «и впредь таковых выдач не производить» [2, л. 25]⁵. Это обращение было достаточно странным и резко диссонировало как с утвердившейся практикой сбора первого ополчения, так и с наладившимся процессом обеспечения офицеров ополчения резервного; вероятно, поэтому оно, «по факту», не было принято к реальному исполнению и процесс выдачи пособий успешно продолжался. Булыгин, как подтверждают документы, был вовсе не против выдачи любых разновидностей материальных вознаграждений – он вел себя в точном соответствии с духом и буквой нормативных положений по обеспечению ополчения и не разрешал в связи с этим тратить на эти цели деньги комитета пожертвований. Следует учесть и тот факт, что в марте 1813 г. все ополченские формирования были переведены, по распоряжению царя, на казенное обеспечение⁶, что должно было значительно сэкономить средства комитета пожертвований.

Но в апреле 1813 г. Григорьев вновь обратился и именно в комитет пожертвований, а не в казенное ведомство, с требованиями о выдаче денежных сумм: «...на обмундирование урядников из дворян Егора Косткина и Савватия Князделева ... урядника из вольноопределяющихся Климантова» [2, л. 29]; В. Ястребова [2, л. 30], «неимущему» пятидесятому Астафьеву [7, л. 10]. Были получены запрошенные ранее пособия, которые получили урядник и «ученики Московского Университета из обер-офицерских детей» [8, л. 31] Н. Иванов и И. За-

лесский [8, л. 31]. В мае 1813 г. были получены средства для «коллежского ассессора Петра Грачева ... недоросля Павла Петрова» [2, л. 39] и «бывшего дьякона и определенного урядником Андрея Петрова» [2, л. 40]. Вновь «вытребовал» жалованье для своей «команды» подполковник Зимнинский, которое получили следующие чины: «подполковник Зимнинский, из годового положения 1000 руб.» [2, л. 41]: 250 руб.; ротные начальники, капитаны: «Александр Щетинин, из годового положения 600 руб. каждому» [2, л. 41]: 150 руб.; «Василий Вырубов» [2, л. 41]: 150 руб.; «Поручик: Константин Зацепин, из годового положения 240 руб. за апрель» [2, л. 41]: 20 руб.; «Прапорщик: Николай Иванов» [2, л. 41]: 20 руб.; «Унтер-цейхвартерн: Иван Ларионов за три месяца» [2, л. 41]: 60 руб.; «Юнкера: Дмитрий Зыков, из годового положения 100 руб., за апрель» [2, л. 41]: 8 руб.; «Иван Швейцер» [2, л. 41]: 8 руб.; Итого: 666 руб. 66 ½ коп.» [2, л. 41]. В мае разгневанный, очевидно, несоблюдением его, более раннего, постановления Булыгин вновь обвинил комитет пожертвований (и «издал», очевидно, некие «обидные для сего комитета предложения» [8, л. 78], что вызвало со стороны комитета жалобу на имя Крюкова⁷) в игнорировании приказов непосредственного начальства и самовольном, вопреки его приказам, распоряжении собранными денежными средствами, «о возврате коих от меня в минувшем апреле месяце, по рассмотрении отчетов, уже было предписание, (комитет пожертвований. – *Авт.*) выдает из них жалованье чиновникам резервного ополчения, к выполнению чего на установленное Высочайшею волею время обязано единственно токмо дворянское помянутой губернии сословие, а потому предлагаю от таковых самовольных распоряжений вопреки всех предписаний и правил, оному комитету данных, воздержаться и все то, что таковым образом ... израсходовано, немедленно в помянутую сумму возвратить ...» [2, л. 44]. Вероятно, все же, что первопричинами подобной негативной реакции Булыгина на происходившие в сфере обеспечения ополчения события стали, во-первых, противоречия членов комитета пожертвований и лично Булыгина в трактовке положений и правил сбора ополчения, многие из которых действительно не были письменно формализованы, но успешно реализовывались на практике, и, во-вторых – фактор обещанного, но сильно запаздывающего во времени казенного обеспечения ополчений, и эта двойственная ситуация позволяла одним (Булыгину) заявлять о нарушении законности и приказов, а другим (комитету пожертвований), вдохновленным успешной в целом кампанией обеспечения и первого, и второго ополчений, без

«лишних» словопрений заниматься конкретной работой, фактически саботируя распоряжения начальника резервных ополчений III округа.

Тем временем активная выдача пособий, и именно от комитета пожертвований, продолжала идти, по крайней мере в начале мая 1813 г., своим чередом. Согласно обращению полковника Штерна, деньги (жалованные) были выданы сотенным начальникам: поручику Выезжеву «по день его увольнения, то есть ноября с 1-го по 8 мая» [2, л. 49]; подпоручику Я. Кузнецову [2, л. 49]; пятидесятным: И. Туманову, И. Олисову, М. Столице и «студенту М. Сафатову» [2, л. 49]. По требованиям Григорьева пособия получили «... Иван Николаев сын Новосильцов» [2, л. 70] и «... Александр Иванов сын Затыкевич» [2, л. 71]. По предписанию Григорьева за многочисленные нарушения дисциплины был уволен пятидесятный начальник, коллежский регистратор Олисов, но тем не менее и он был «...удовлетворен ... жалованьем по день выключения из службы» [2, л. 73], равно как уволенный (по болезни) пятидесятный Троицкий [2, л. 74]. Весьма часто, и особенно в апреле – мае месяцах, комитет пожертвований занимался также проверкой и перепроверкой сведений о полученных денежных вознаграждениях по прежним местам службы офицеров резервного ополчения, во избежание повторной выдачи средств. Но 5 мая 1813 г. была серьезно изменена финансовая политика комитета пожертвований; «исполняющий обязанности» (на тот момент времени) главы комитета, уездный предводитель дворянства (Нижегородского уезда) П. Ленивцев сообщил Григорьеву о том, что «...Булыгин от 5 мая (отношением. – *Авт.*) за №453 сему Комитету предложил, чтоб жалование чиновникам резервного ополчения из пожертвованных сумм не отпускать ... за силою того предписания в отпуске жалованья чиновникам приостановился впредь до особого на сие от Его Превосходительства (Булыгина. – *Авт.*) разрешения» [7, л. 360]. На сей раз распоряжение Булыгина было принято к исполнению, но ровно до 12 июня 1813 г., когда был выдан очередной «транш» офицерского жалованья. Приказ Булыгина, повторимся, не означал прекращения финансирования офицерского корпуса как такового; скорее, он должен был «сподвигнуть» к скорейшим выплатам со стороны казенного (комиссариатского) ведомства, и это подтвердило следующее его распоряжение уже от 2 июня 1813 г.: «... комитету пожертвования Нижегородской губернии отпуск из пожертвованных сумм жалованья за апрель месяц ... сотенным и пятидесятным начальникам по окладам ... отнести на счет Комиссариата, от меня послано (отношение. – *Авт.*)» [6, л. 353]. Но

выплаты и обеспечение в целом со стороны комиссариатского ведомства продолжали, как это часто бывало в эпоху 1812 г., задерживаться, и это вызвало обращения командиров ополченских полков к Григорьеву, причем самого «отчаянного» свойства. 6 июня 1813 г. Визен информировал Григорьева о следующем: «комитет пожертвований ... уведомляет меня, что хотя оной определил (для выплаты жалованья офицерам. – *Авт.*) учинить оной отпуск из пожертвованных сумм, но, между тем ... Булыгин мая от 5 числа предложил, чтоб жалованье чиновникам из означенных сумм не отпускать ... тем паче, (что они. – *Авт.*) и пропитания никакого не имеют, то я за долг почитаю ... испрашивать ... чем гг. обер-офицеры по неотпуску жалованья могут себя пропитывать ...» [6, л. 332]. Штерн, со своей стороны, также сообщил Григорьеву о схожих проблемах: «... я требовал в здешний комитет пожертвований об отпуске офицерам ... за апрель месяц жалования ... Булыгин жалования офицерам из суммы пожертвванной отпускать воспретил ... благоугодно ли будет Вашему Превосходительству такую сумму приказать отпустить под расписку ...» [6, л. 446]. 12 июня 1813 г., по требованию командира полка Штерна и «согласно» (т.е. согласованно) с решением Булыгина [9, л. 134], комитет пожертвований отпустил «на жалованье находящимся в оном полку чиновникам за прошедший апрель месяц, сотенным начальникам Бутурлину и Кузнецову по 30, пятидесятым Туманову, Олисову, Сафатову и Столице по 20, а всего сто сорок рублей» [9, л. 134] из «комитетских» же средств, но уже записанных «на счет комиссариата» [9, л. 134], т.е. с обязательствами последнего о компенсации комитету пожертвований истраченных средств. Затруднения с «комиссариатскими» выплатами вынудили Григорьева напрямую во второй половине июня 1813 г. обратиться в военное министерство с вопросами «о образе довольствия жалованьем вышних и нижних чинов и воинов» [10, л. 264], на которые в июле 1813 г. он получил вполне удовлетворительный ответ⁸. Возможно, как реакция на дефицит необходимых финансовых средств, остро необходимых в этот момент времени, возникает «дело о доставке патронов», напрямую связанное с дискредитацией Грузинского⁹.

Но даже после этого нельзя было с уверенностью утверждать, что процесс выплаты был как-то радикально ускорен. В августе 1813 г. по полкам резервного ополчения были составлены ведомости офицерского состава с указанием, по каждому лицу, сумм полученного и неполученного жалованья. Согласно ведомости «Второго пехотного полка резервного ополчения 2-го и

3-го батальонов числющихся (так. – *Авт.*) при оных чиновников со дня их поступления в службу и сколько кто за какое время получил жалованья со обозначением времени» [10, л. 429], среди офицеров 2-го батальона 2-го полка наблюдалась следующая ситуация, связанная с получением (или неполучением) жалованья: за батальонным командиром Блаватским «наблюдалось» получение жалованья за сентябрь и октябрь 1812 г., а также только лишь за апрель 1813 г., за остальные месяцы службы он денег не получал [10, л. 429]. Точно такие же «показатели» были у пятидесятных: Бурдина [10, л. 429], Юрлова [10, л. 429], Косткина [10, л. 429]. Командир 3-го батальона (2-го полка) Патрекеев, начав службу с 1 сентября 1813 г., вообще ни разу жалованья не получал [10, л. 429], так же как и пятидесятные Сенцов [10, л. 429] и Ермолаев [10, л. 429]. Согласно ведомости «Второго пехотного полка резервного ополчения 1-го батальона числющихся при оных чиновников со дня их поступления в службу и сколько кто за какое время получил жалованья со обозначением времени» [10, л. 429], командир полка Визен жалованья ни разу за все время службы не получал [10, л. 429]. Батальонный командир Саламыков получал жалованье только за сентябрь, октябрь и ноябрь 1812 г. [10, л. 429]. Сотенный начальник Львов получал с сентября по ноябрь 1812 г., а также за апрель 1813 г. [10, л. 429]. Пятидесятому Дурову были выплачены деньги за период с января по апрель 1813 г. [10, л. 429]. В другой ведомости, составленной Визеном в августе же 1813 г., но несколько позднее, указывалось, что сотенный начальник Буданов не получал вознаграждения за службу за май, июнь и июль 1813 г. [10, л. 244об.]; пятидесятные начальники: Ястребов – не получал за период службы с октября 1812 г. по июнь 1813 г. [10, л. 244об.]; Жмуров – не получал за период службы с ноября 1812 г. по июнь 1813 г. [10, л. 244об.]; Климписев [10, л. 244об.] и Мустафин [10, л. 244об.] не получали жалованья оба в одинаковые сроки – с октября 1812 г. по июнь 1813 г. [10, л. 244об.].

Проблемы соблюдения воинской дисциплины в офицерской среде нижегородского резервного ополчения

Помимо проблем комплектования личным составом и материально-финансового обеспечения офицерского корпуса нижегородского резервного ополчения, значительное внимание со стороны командования ополчением было уделено вопросам соблюдения порядка и должной воинской дисциплины со стороны офицер-

ского контингента; проблемы с дисциплиной отмечались и у некоторых представителей офицерского состава основного ополчения. Несмотря на привилегированный (дворянский) статус всего командного состава ополчения, заметное присутствие в ополчении офицеров-ветеранов, высокий в целом уровень образования и, вероятно, ожидаемо высокий, но не оправдавший в полной мере эти ожидания, уровень самосознания и внутренней дисциплины, не все офицеры ополчения оказались должным образом психологически мотивированы к службе. О самом первом случае девиантного поведения офицера-ополченца стало известно 21 февраля 1813 г., когда батальонный начальник Суцев сообщил Григорьеву о том, что «сотенный начальник Выезжев¹⁰, представляемый уже начальнику за дурное поведение¹¹, не только не исправляется, но еще делает более поступков, совершенно неприличных офицерскому званию ...» [11, л. 132], и просил дать возможность «исключить его из ополчения, как недостойного быть между благородными людьми» [11, л. 132]. Несколько позднее в совершении неких, не выясненного свойства, «дурных поступков» был обвинен и пятидесятный Косткин [7, л. 28]. Следует отметить, что хотя в рапортах воинских начальников и не было отражено конкретного смыслового содержания пресловутых «дурных поступков», но, скорее всего, их «расшифровали» Григорьеву в устной форме в ходе личного общения, что вызвало с его стороны крайне отрицательную реакцию. Несмотря на очевидный дефицит командирских кадров в ополчении, Григорьев обратился к Булыгину за «санкцией» об исключении этих лиц из ополчения и получил ее: в апреле 1813 г. Булыгин сообщил Григорьеву о рассмотрении содержания его рапорта «о исключении за дурное поведение из службы Нижегородского резервного ополчения двух пятидесятников: Выезжева и Косткина, предлагаю Вашему Превосходительству оных исключить с заслуженными ими по мере дурных их поступков аттестатами¹²» [7, л. 28]. 10 апреля 1813 г. командир 1-го полка Звенигородский в рапорте Григорьеву сообщил, что, по донесению батальонного начальника Бетлинга, вели себя «неприлично» пятидесятные начальники Мантуров, Борисов и Воронин [12, л. 67], и просил «его от оных избавить и что неоднократно им от него подтверждаемо было о поправлении их поведения» [12, л. 67]. Двое последних были уже арестованы и содержались (под домашним арестом) «... на хлебе и воде» [12, л. 67], но принятые меры не возымели своего положительного результата, т.к. «увещания и наказания остались втуне» [12, л. 67]. Ко времени написа-

ния рапорта «Воронин и Борисов были арестованы вновь «и содержатся теперь на гоубвахте (так. – *Авт.*) ...» [12, л. 67]. 25 апреля Григорьевым был направлен Булыгину новый рапорт, в котором тот вновь требовал исключения нарушителей дисциплины из рядов ополчения, но начальник резервных ополчений III округа отреагировал на это уже совсем по-другому: «На рапорт ваш ... касательно исключения ... пятидесятников Мантурова, Борисова и Воронина, предлагаю, что по ... недостатку чиновников на исключение их я согласиться не могу, за невыполнение же ими должностей своих ... штрафовать таковых арестом (и) предавать военному суду ...» [7, л. 379].

В апреле же 1813 г. полковник Визен сообщил Григорьеву, что находящийся, скорее всего, под влиянием алкоголя, в неадекватном состоянии, подпоручик 2-го полка Бурдин «выбил окна у находящегося караульного при церкви солдата за то, что он будто бы благовестил в колокол в набат и у старосты церковного также у окон стекло и рамы выбил» [12, л. 281]. По свидетельству караульного солдата, «... подпоручик Бурдин, проходя с обнаженной саблей мимо помянутой церкви и изб и разбивал оной стекло, по поводу какого донесения оной ... Бурдин мною (Визеном. – *Авт.*) вытребован и посажен под арест ...» [12, л. 281].

В мае 1813 г. состоялось служебное разбирательство по делу коллежского регистратора, служащего нижегородского губернского правления И. Олисова. Секретарь губернского правления (где ранее служил Олисов) Померанцев сообщил Григорьеву, что Олисов был осенью 1812 г. зачислен добровольцем в первое ополчение и, как и все призванные из гражданской службы дворяне, получил распоряжение о сдаче и завершении текущих дел и подготовке, перед вступлением в ополчение, своего увольнения с прежнего места службы. Но Померанцев, как непосредственный начальник Олисова, в процессе сдачи дел «усмотрел» серьезные недочеты: «помянутый Олисов ... не только не сдал дел, а даже оных не разобрал» [6, л. 106]. К тому же Олисов был злостным «прогульщиком» по службе «и в губернское правление давно уже совсем не ходил» [6, л. 108] и «(Померанцев. – *Авт.*) просил, его, Олисова, по сыску к сдаче дел понудить» [6, л. 108]. После полицейского задержания «сысканного» Олисова тот был вновь (уже принудительно) направлен для сдачи дел по месту службы, где был вновь задержан уже Померанцевым (очевидно, за нежелание Олисова подчиняться), посажен на трое суток под арест, получил выговор от командира полка (первого ополчения) Каратаева, затем

тяжело заболел, и, «по неотправке» в поход с первым ополчением, был зачислен в ополчение резервное [6, л. 108]. Но и здесь его ждал предварительный (перед зачислением в ополчение), формализованный и, очевидно, глубоко ненавистный ему, прежний порядок сдачи дел в губернском правлении [6, л. 106–108]¹³, который он, ожидаемо, вновь проигнорировал, и был отправлен уже в уголовную палату [6, л. 108]. По завершении выяснения обстоятельств дела либо, что тоже возможно, по ходатайству военного начальства Олисов был освобожден, но, как выяснилось чуть позднее, ненадолго, став «фигурантом» еще одного полицейского разбирательства из-за нанесения оскорблений и побоев квартальным надзирателям¹⁴ на «питейной выставке».

В июне 1813 г. Крюков, по ходатайству Григорьева «... о запрещении исключенным (ранее. – *Авт.*) из командуемого вами ополчения начальникам: сотенному Выезжеву и пятидесятому Косткину одеваться в незаслуженное платье» (т.е. в форменный мундир ополчения) [62, л. 156], предписал нижегородскому губернскому правлению дать по этому поводу указания «градским и земским полициям ...» [6, л. 69] по наблюдению за соответствующей формой одежды лиц, ранее уволенных из ополчения [6, л. 69]. В июне Булыгиным также был рассмотрен рапорт Григорьева о новых, уже упомянутых ранее, «подвигах» на «питейной выставке» коллежского регистратора Олисова, и, с учетом «прикосновенности» к этому делу Грузинского (о взаимоотношениях которого с Булыгиным ранее сказано уже достаточно много), окончательный «вердикт» по делу Олисова прозвучал следующим образом: «... о поступках ... Олисова, предлагаю ... исключая его, Олисова, из списка чиновников ополчения, препроводить ... к прежней его должности при отношении, яко службы в ополчении не токмо бесполезного, но, по дурному поведению его, вредного и производящего единое токмо отягощение и разврат» [9, л. 268].

Несмотря на весьма поучительную историю, приключившуюся с коллежским регистратором Олисовым, «недоразумения» офицеров нижегородского резервного ополчения в их взаимоотношениях с полицией продолжались. Вообще, следует отметить, что определенный антагонизм армейских и полицейских чинов существовал всегда и был достаточно заметным в обозреваемый исторический период. На сей раз главным героем «полицейской хроники» стал в июле 1813 г. подпоручик Яков Кузнецов, на действия которого, выразившиеся в оскорблении словами, угрозах жизни и здоровью и, фактически, избиении полицейского чина, был подан Григорьеву рапорт и вновь от нижегород-

ского губернского правления¹⁵. Самый последний эпизод, связанный с девиантным поведением призванных в ополчение представителей командного состава, касался коллежского регистратора М. Ястребова, который так же, как Олисов, служил «на гражданке» в нижегородском губернском правлении и при сдаче им «ведомых» дел обвинялся «в неисправлении своей должности и нехождении ко оной за пьянством ...» [10, л. 454].

Заключение

Параллельно с процессом формирования офицерского корпуса возникали и решались, с разной степенью эффективности, проблемы материального обеспечения командирского состава резервного ополчения. Проблемы эти были главным образом связаны с хроническим недофинансированием со стороны казны и стремлением переложить проблемы обеспечения на «плечи» местного комитета пожертвований, что вызывало многочисленные начальственные споры, пока не был найден некий «консенсус», заключающийся в фактическом «невмешательстве» сторон в дела друг друга и «спокойной», но не всегда удовлетворительной работе этих «сторон» в контексте формального конфликта их интересов.

Помимо прочих проблем, связанных с офицерским корпусом ополчения, значительное внимание со стороны командования ополчением было уделено вопросам соблюдения должной воинской дисциплины. Как выяснилось, очень многие офицеры (и потенциальные офицеры) ополчения не были должным образом мотивированы к службе и отличались девиантными проступками, на что также обращалось самое пристальное внимание командования ополчения и принимались решительные меры по искоренению этих явлений в офицерской ополченской среде.

Примечания

1. Крюков – Грузинскому.

«Начальник 3 округа резервного ополчения господин генерал-майор Булыгин в отношении к начальнику губернии изъясняет, что он из многих отношений к нему Вашего Сиятельства видит, что вы, не доводя оных до общего сведения дворянства, изволите ответствовать на требования его неудовлетворительно ... и потому требует от начальника губернии посредства в доставлении к нему вернейшего сведения: сколько в положенное число для первого ополчения 12275 воинов, 653 строевых и 264 подъемных лошадей действительно от гг. дворян представлено и не осталось ли по выступлении первого ополчения ... в недоимке ...» [13, л. 11].

2. Указано неверно. Нужно: подпоручик.

3. Указано неверно. Нужно: Дуров.

4. «Краткое изъяснение дворянских положений о составе, продовольствии и снабжении военной силы на основании Высочайшего Его Императорского Величества Манифеста июля 6-го 1812 года состоявшегося. 1. С дворянских имений собрать воинов пеших: 12275; конных: 653. Всего: 12928; 2. Лошадей строевых со всем прибором: 653; 3. Лошадей подъемных: 264; 4. Воины и лошади принимались в уездных городах тамошними уездными предводителями обще с командированными от ополчения чиновниками, а отводимы они были на сборные пункты, как-то: Нижний, Арзамас, Лысково; 5. Производить в месяц жалованья (чинам ополчения. – *Авт.*) конных и пеших полков. Начальникам: Сотенным: 30 руб.; Пятидесятным: 20 руб.; Урядникам и писарям: 1 руб. 25 коп.; Воинам: 1 руб. 6. Начальникам же полковым и батальонным, а еще более Губернскому Командующему ... не положено по должности звания в коем они служат по особой доверенности Государя Императора из усердия к Отечеству. 7. Провианта нижним чинам в месяц, муки: 1 пуд 35 фунтов; Круп гречневых, или ячных: 1 1/2 гарнца; 8. Фуража каждой строевой лошади, овса: 1 четверть 3 четверика 2 гарнца; Сена: 15 пудов; Фуража каждой подъемной лошади, овса: 4 четвертей 4 гарнца; Сена: 15 пудов; 9. Сверх сих пропорций фуража противу строевых лошадей офицерам не отпускалась. О предложениях одновременного вспоможения: 10... недостаточным дворянам делалось вспоможение из дворянской казны, а не дворянам по согласию г. Командующего 3 округом из пожертвованных сумм, часть против оклада жалованья званию, их соответственного, при выступлении же их, последних, в поход, дополнялось в полное число годового жалованья по окладу из дворянской казны, всего: Именно: Начальникам полковым: Полковнику: 900 руб.; Подполковнику: 720 руб.; Начальникам: Батальонному: 500 руб.; Сотенному: 360 руб.; Пятидесятному: 240 руб.; 11. Сверх того же ... выдано конного и пеших полков офицерам, кроме полкового начальника, адъютантам, а равно и находящимся при Главном Штабе по квартирмейстерской части чиновникам на покупку лошадей, каждому из пожертвованных сумм по 150 руб. 12. Нижним чинам, добровольно вступившим из обер-офицерских детей из приказных служителей и духовного звания, а равно из мещан и экономических крестьян ... по 61 руб. 52 коп., и в артель по 15 руб., итого каждому по 76 руб. 52 коп.; 13. Недорослям же из дворян по неимуществу их по 61 руб. 52 коп., а в артель из дворянской казны по 25 руб., итого каждому по 86 руб. 52 коп.; 14. На содержание канцелярий Губернского Командующего, кроме чиновников ея и экстренные надобности выдано с октября по 1 января: 500 руб.; 15. Выдано также на содержание канцелярий полковых и экстренные надобности из пожертвованных сумм: 35 руб.; Батальонных канцелярий: 15 руб.; А в конный полк: 30 руб.; 16. Сверх того отпущено из пожертвованных сумм с октября по 1 января на покупку для больных медикаментов в каждой батальон: 15 руб.; В конный полк: 30 руб.; 17. Подъемных телег под своз артельных котлов офицерского экипажа и больных нижних чинов, а равно полковых и бата-

льонных адъютантов и казначеев дано в каждый пеший полк: 25; В конный полк: 7; 18. Артельных котлов из белого и черного листового железа, по неотысканию здесь медных ... отпущено в каждую сотню пешего полка по 16, а конный полк всего 50 и по столько же кастрюль; 19. При выступлении полков в поход дано из пожертвованной суммы ... на непредвиденные надобности в каждой полк по 1000 руб.; 20. Сверх того ... дано из пожертвованной суммы ... на винную и мясную порцию для подкрепления здоровья нижних чинов во время больших переходов и во вьюжную погоду на каждого воина по 1 руб. 20 коп.; А всего в каждой пеший полк на 2342 человека: 2810 руб. 40 коп.; А в конной полк на 714 человек также на каждого по 1 руб. 20 коп.: 856 руб.» [4, л. 143–160].

5. Впрочем, это распоряжение Булыгина не затрагивало ситуацию с выплатой офицерского жалованья за службу. Здесь все как раз было наоборот и вполне, с его стороны, «позитивно», что и отметил Крюков: «... Булыгин в отношении ко мне изъясняет, что ... усмотрел он, что полковым и батальонным начальникам ... никакого жалованья гг. дворяне не определили, тогда, как во всех прочих пяти губерниях 3 округа таковое полагалось прежде и ныне положено: первым от 1000 до 1500, а последним от 600 до 1000 рублей и потому он заключает, что, хотя в Высочайше подтвержденном докладе о Московской военной силе чинам сим также жалованья не назначено, но судя по неимению в виду достаточных чиновников, назначение жалованья не только нужно, но и необходимо, ибо есть чиновники сих званий, которые с охотою бы и усердием вошли в состав сего ополчения ... но, не имея в виду никаких к пристойному содержанию себя в службе средств в малейшей собственности, участвовать в оной не в состоянии, почему и требует о убеждении гг. дворян Нижегородской губернии, чтоб они, соревнуя прочим равным им сословиям и настоящей пользе службы, уравнили чиновников ополчения своего касательно денежного жалованья с равными им в других ополчениях служащими, каковое пожертвование, судя по количеству сих чиновников и краткости времени, на которое оно полагается, важной суммы не составит ...» [13, л. 13–14].

6. Александр I – Кутузову.

«Князь Михайло Ларионович! Ополчение, за границую находящееся, как перенесшее все трудности похода обще с армиею наравне с нею должно быть и содержимо от казны ... Ополчение, в границах наших находящееся ... не имеет такой надобности в одежде и обуви, как состоящие при армиях, тем не менее, однако, нужно на счет казны же снабжать ... Жалованье всем полкам и дружинам ... производить из казны ...» [10, л. 420].

7. «От Нижегородского вице-губернатора ... в Нижегородский комитет пожертвований. На отношение ко мне из одного комитета ... о воспрещении начальнику резервного ополчения господину генерал-майору Булыгину издавать обидные для сего комитета предложения ... поставляю уведомить комитет, что я ... не почитаю себя обязанным входить в посредство неудовольствий комитета на замечания оному окружного начальника ...» [8, л. 78].

8. «Министерство Военное ... С уведомлением о немедленном удовлетворении ополчений, в российской границе находящихся жалованьем ... Начальнику резервного ополчения Нижегородской губернии Господину Генерал-Майору и Кавалеру Петру Богдановичу Григорьеву.

Господин Управляющий Военным Министерством при предписании от 1 числа сего месяца доставил в копиях: Высочайший рескрипт, данный в 27-й день минувшего мая на имя господина генерал-от-инфантерии Барклая-де-Толли о довольствии от казны же жалованьем ... рапорт Вашего Превосходительства от 9-го июня №646, испрашивающий предписания о образе довольствия жалованьем ... вверенного вам ополчения, рекомендует: сделать распоряжение о удовлетворении ... жалованьем чиновников тех ополчений, кои остаются в границах российских, равно и всех прочих чинов и служителей ополчений ... » [10, л. 264].

9. Нижегородский губернатор Быховец – Грузинскому: «... в ... отчете ... о движении денежных сумм от ... для внутреннего ополчения пожертвованных, показано, что Ваше Сиятельство из полученных от московского купца первой гильдии Старикова в пожертвование в счет обещанной им суммы 12000 рублей, внесли в помянутый Комитет (пожертвований. – *Авт.*) только 7350 рублей 98 с половиной копеек, а достальные (так. – *Авт.*) 4649 рублей 1 с половиной копейку удержали у себя взамен употребленных вами на отправление в Киев 384 ящиков с боевыми патронами и 1000 ружейных отверток, а как ему, окружному начальнику, неизвестно ни время отправления оных, ни долженствующего быть на то предписания, распоряжение же сего рода денежных сумм в подобных случаях без ведома происходит ... то требуется отобрать от Вашего Сиятельства сведение, когда те ящики с патронами ... и по чьему предписанию были отправлены в Киев и по какому праву вы, удержав деньги ... распоряжались ими ... » [13, л. 20].

10. По своей «настоящей» должности в ополчении Выезжев был пятидесятым начальником, но, возможно, в условиях дефицита командных кадров, исполнял обязанности сотенного начальника.

11. Следовательно, Выезжев ранее уже «отметился» рецидивом «дурных деяний» и только после этого был «представлен» к наказанию по рапорту непосредственного начальника.

12. Такое явление в дворянской среде, как исключение конкретного лица из ополченских рядов, было явлением весьма позорным и нетипичным в эпоху 1812 г. Исключенное лицо подвергалось, фактически, значительной дискриминации в своих правах и принудительной «маргинализации сверху». Провинившемуся выдавали новый «паспорт» и аттестаты, «с прописанием» его деяний предосудительного характера, а также впоследствии могли лишить дворянского звания. Во всяком случае, успешное дальнейшее продвижение как по служебной карьерной лестнице, так и в целом утверждение своего авторитета во всех ипостасях взаимоотношений в дворянской среде были для такого человека совершенно

исключены. Под большим вопросом было также и дальнейшее «определение» в гражданской службе.

13. « ... ныне он, Олисов ... при подтверждении ему о сдаче ... дел, с грубостию отозвался, что оных сдавать не будет, почему он для поступления за упрямство его в сдаче дел по законам отослан в здешнюю уголовную палату при сообщении с требованием, что ею учинено будет уведомление, о чем Ваше Превосходительство губернское правление и извещает» [6, л. 106–108].

14. Нижегородское губернское правление – Григорьеву: «В губернском правлении слушав рапорт нижегородской полиции ... квартальных надзирателей Мурунова и Мясникова, в коем описывая, что сего мая 23 дня ... услышали шум у питейной выставки, которой производил с сидельцами коллежский регистратор ... Олисов, почему стали они, квартальные, прекращать тот шум, но сказанной Олисов причинил им разные ругательства, и, будучи с ополченными воинами, которые повиновались его приказаниям, изорвав на Мясникове мундир ... Олисов с воинами взяли его, Мурунова, сильным образом и повели в город будто бы к полковнику, в какое время изорвав на нем сюртук и Олисов ругал Мурунова всякими словами, называя квартальных алтынниками и мерзавцами ... Определено: о показанном происшествии препоручить учинить исследование ...» [6, л. 209].

15. Нижегородское губернское правление – Григорьеву: «... квартальный надзиратель Варварский ... следуя ... обязанности своей по должности ... ходил он с дозором по кварталу, ему вверенному, и возле дома подпоручика Кузнецова застал он из числа команды его воина Максима Смирнова, курящего на улице трубку, коего взяв, повел к реченному Кузнецову ... Кузнецов, ... завидя его, идущего, начал ругать его всякими матерными словами ... ударил его в грудь кулаком ... в видении всего происшествия представляет во свидетели коллежского регистратора Льва Иванова сына Лукина, о чем рапортовал частному приставу Климову и спрашивал начальнического защищения ... сообщить с требованием, дабы благоволили к удержанию воинов от подобных буйственных поступков сделать надлежащее распоряжение ...» [10, л. 241, 246–247].

Список литературы

1. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 1822. Оп. 1. Д. 134.
2. ЦАНО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 18.
3. ЦАНО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 1.
4. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 3. Д. 10.
5. ЦАНО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 16.
6. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 160.
7. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 2. Д. 5.
8. ЦАНО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 25.
9. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 2.
10. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 2. Д. 4.
11. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 183-а.
12. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 3. Д. 14.
13. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 133.

**PROBLEMS OF FORMATION AND DYNAMICS OF ORGANIZATIONAL CHANGES
OF THE OFFICER CORPS OF THE NIZHNY NOVGOROD RESERVE MILITIA
IN 1812–1813**

Part 2

D.A. Nikolaev

The issues of the formation of the officer corps of the Nizhny Novgorod reserve militia of 1812 are considered. Based on sources from the funds of the Central Archive of the Nizhny Novgorod region, the process of material support for the officers of the reserve militia is characterized. The issues of observance of military discipline, as well as the nature and features of offenses in the officer militia environment are considered.

Keywords: Nizhny Novgorod Province, reserve militia of 1812, Nizhny Novgorod reserve militia of 1812–1813, Napoleonic Wars, officers, military and civilian ranks, material support, military discipline.

References

1. Central Archive of the Nizhny Novgorod region (CANNR). Coll. 1822. Aids 1. Fol. 134.
2. CANNR. Coll. 835. Aids 1. Fol. 18.
3. CANNR. Coll. 835. Aids 1. Fol. 1.
4. CANNR. Coll. 1822. Aids 3. Fol. 10.
5. CANNR. Coll. 835. Aids 1. Fol. 16.
6. CANNR. Coll. 1822. Aids 1. Fol. 160.
7. CANNR. Coll. 1822. Aids 2. Fol. 5.
8. CANNR. Coll. 835. Aids 1. Fol. 25.
9. CANNR. Coll. 1822. Aids 1. Fol. 2.
10. CANNR. Coll. 1822. Aids 2. Fol. 4.
11. CANNR. Coll. 1822. Aids 1. Fol. 183-a.
12. CANNR. Coll. 1822. Aids 3. Fol. 14.
13. CANNR. Coll. 1822. Aids 1. Fol. 133.